

УДК 82-8

ФРАНЦУЗСКИЙ И ВИКТОРИАНСКИЙ ЭТИКЕТНЫЙ «ЯЗЫК ЦВЕТОВ»: ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ МЕНТАЛИТЕТОВ

ШАРАФАДИНА Клара Ивановна,

доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли,
Северо-Западный институт печати С.-Петербургского государственного университета техники и дизайна*АННОТАЦИЯ.* Статья посвящена викторианской эпохе – последней стадии развития цветочного символизма в рамках европейской цивилизации и ее отражения в быту, литературе, словарях.*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:* символический фонд растений, традиция цветочного символизма, цветочные словари, стратегия семантизации.

SHARAFADINA K.I.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of publishing and book trade
North-West Institute of printing S.-Petersburg state University of technology and design

FRENCH AND VICTORIAN ETIQUETTE "LANGUAGE OF FLOWERS": THE DIALOGUE OF CULTURAL MENTALITIES

ABSTRACT. The article is devoted to the Victorian era - the last stage of the development of flower symbolism in the framework of the European civilization and its reflection in the life, literature, dictionaries.*KEY WORDS:* symbolic Foundation plants, the tradition of flower symbolism, flower dictionaries, strategy semantically.

Викторианскую эпоху справедливо считают последней стадией развития цветочного символизма в рамках европейской цивилизации.

В это время цветоводство, как и в эпоху Руссо, становится знаком приверженности к определенным общественным нормам, а обращение к символике цветов в быту и в литературе – модой времени. Принять своеобразную эстафету в развитии цветочного символизма от Франции Англии помогла ее давняя репутация по преимуществу сельской страны, приверженность к природному окружению в быту и обиходе. Недаром отличительным качеством английского романа XVIII–XIX вв. считались хорошо прописанные природные декорации, в которых разворачивалось основное действие. Сохранению преемственности принципов цветочного символизма от елизаветинской эпохи к викторианству могла способствовать и известная географическая изолированность Англии.

Любопытно стихотворение английского поэта Ли Ханта, друга Китса и Шелли, «Письмо, написанное цветами». Его герой подбирает себе достойную возлюбленную среди цветов, попутно поясняя их «репутации», продиктованные символическим фондом растений: примула – деревенская простушка; фиалка – монахиня; горошек (душистый) – кокетка, спешащая выйти замуж и «окольцовывающая» руки женихов; урюмый розмарин всегда оплакивает мертвых; щечки незабудки покрыты краской смущения: она такого низкого происхождения; ракишник связан брачным контрактом с пчелой. Его симпатии оказалась достойна только «утонченная роза с ее нежно-розовыми щечками».

Главную роль в приобретении цветочным кодом наиболее законченного вида сыграл английский консерватизм, ставший устойчивой приметой вик-

торианства как образа жизни и национального менталитета.

О показательной «нерушимости» и неистребимости традиции викторианской эпохи в некоторых сферах английского ритуализованного быта даже за ее историческими рамками свидетельствует такой штрих, имеющий непосредственное отношение к традициям цветочного символизма. Королева Виктория высадила в своем саду в 1840 г. мирт – символ супружества: национальная традиция предписывала этот ритуал девушке, готовящейся к браку, так как это растение должно было в будущем войти в букет невесты. Если верить репортерам, в свадебном букете Дианы Спенсер, первой жены принца Чарльза, была веточка мирта, посаженного Викторией.

Но вернемся в 1837 год, когда британский трон перешел к восемнадцатилетней королеве Викторией. Ей предстояло править страной 64 года, в течение которых сменили друг друга как минимум три поколения англичан. Стоит напомнить, что к истинным викторианцам принадлежат Шерлок Холмс Конан Дойла и мисс Марпл Агаты Кристи. В рамки эпохи уместилось как торжество, так и начало заката Англии как самой богатой и мощной колониальной державы XIX в. Но одно оставалось за это время почти неизменным – вошедший в пословицы викторианский стиль жизни. Это была эпоха полного торжества Культуры над Природой. Любому проявлению естественности общественное мнение выносило смертный приговор. «Стиснутая стальным корсетом приличий», викторианская Англия была сверхрепрессивна по отношению к слишком человеческому.

В английской культуре не было места открытой чувственности, а уж тем более – сексу. Даже для

кабинетных роялей шили специальные чехлы-юбочки, чтобы скрыть от взоров посетителей гостиных хоть рояльные, но все же «ножки». Известно, что и книги было принято расставлять на книжных полках по принадлежности автора к сильной или слабой половине человечества: книгам писательниц неприлично было оказаться бок-о-бок с произведениями писателей-мужчин.

В литературу не допускались не то изображения, но и невинные намеки на естественные проявления человеческой природы. Язывительный Набоков поделился с читателями «самым трогательным образчиком викторианского ханжества», который он обнаружил в старом английском переводе «Анны Карениной»: «Вронский спрашивает Анну, что с ней. “Я *beremenna*” (курсив переводчика), – отвечает Анна, предоставляя иностранному читателю гадать, что за таинственная восточная болезнь поразила ее, а все потому, что, по мнению переводчика, беременность могла смутить иную невинную душу и лучше было написать русское слово латинскими буквами».

Внешняя благопристойность, респектабельность и пуританская мораль диктовали чрезмерную избирательность в речи, лицемерие в поведении, заставляющее скрывать истинные и естественные чувства. Можно предположить, что фетишизация викторианского образа жизни и подтолкнула развитие цветочного кода на новой почве. Правда, оно пошло по собственному пути.

Англичане начали с того, что серьезно расширили словарный состав цветочных словарей. Он резко вырос как за счет названий новых, введенных в культуру экзотических растений из Америки и Африки, так и за счет не очень располагающих к цветочному флирту наименований сельскохозяйственных культур. Показательно, что им предписали значения, выходящие за рамки любовных: к примеру, тыква выражала «неуклюжесть», а лен – «выгоду» и «пользу».

Но и этого показалось недостаточно, и потому английские авторы с рвением принялись дифференцировать значения одного рода, но разных видов растительной культуры. Первое место «заняла» здесь герань – в словари вошли восемь ее видов, четыре вида примулы явно не составляли ей конкуренции. Наделялись собственной семантикой отдельные части растений (яблоко, цвет яблони, ветвь яблони), новые позиции появлялись на основании конкретизации по размеру, возрасту, стадии цветения, растительному циклу – бутон красной, белой, розовой розы, распутившаяся роза, увядшая белая роза, роза без шипов, венки из роз и т.д.

Цветочный «алфавит любви» в английской интерпретации стал также алфавитом искусств, религиозных понятий, морали, нравственности, даже юриспруденции и промышленности (ее эмблемой был назначен красный клевер).

Но, расширяя словарный состав по этим позициям, англичане сокращали его по другим.

Генри Филипс, автор первого английского оригинального руководства по цветочному телеграфу, опубликованному в 1825 г. (2 изд., 1834), честно предупреждал читателя, что он ориентировался на французские источники, но исключил из них собственные влюбчивым французам цветно-иносказания с «сомнительным» содержанием.

Показателен ряд «исправлений», которые сделал Генри Филипс. Липе во французской версии предписывалось эмблематизировать «супружескую любовь». Основанием для такого значения был грече-

• *Проблемы поэтики художественного текста*
 скии миф о Филемоне и Бавкиде, известны в переложении римского поэта Овидия: супруги так были преданы друг другу, что, дожив до глубокой старости, умерли в один день, но и после смерти не расстались – боги превратили Филемона в дуб, а Бавкиду – в липу, и супруги-деревья благодарно переплелись ветвями. Филипс незначительно переакцентировал исходную формулу, но как показатель, что «английская» липа, в духе провозглашаемых викторианской моралью семейных ценностей, символизирует у него супружескую ... верность.

Фредерик Шоберл, автор английского перевода (1834) пособия Латур, старался не вносить в оригинал изменений, но стыдливо опускал некоторые слишком откровенные комментарии, в которых французенка прибегала к эротическому обоснованию приписываемой отдельным растениям семантике. Так, аронник пятнистый означает горячую страсть, любовный пыл, так как в период созревания пыльца початок-соцветие нагревается и, если к нему прикоснуться, может вызвать ожог. Кроме того, объясняет Латур, вряд ли можно найти в растительном мире цветок, вызывающий более откровенные фаллические ассоциации: соцветие представляет собой двадцатисантиметровый темно-вишневый початок с экзотическим спиралеобразным 30–40-сантиметровым покрывалом сернисто-желтого цвета с темно-вишневыми точками и штрихами. Английский переводчик предпочел отступить от оригинала: он не только опустил второе пояснение, но и переадресовал семантику «пыли» другому растению – ракиитнику, которому во французском цветном лексиконе предписывалось значение «аккуратность».

Кстати, то значение, которым наделяет ракиитник более самостоятельный в предписывании растениям новых значений Филипс, не менее показатель для викторианского подхода. Оно относится к достаточно обширному пласту нововведений автора-протестанта, связанных с религиозным контекстом. По преданию, основатель знаменитого рода Пантагенетов, задумав паломничество в Святую землю, дал обет смирения, в знак чего прикрепил побег ракиитника на свой головной убор. Эта история стала главной причиной, почему французский «аккуратист» стал английским «смирненником» с религиозным уклоном.

Филипс нашел в природе растительный материал и для символизации отвлеченных религиозных понятий, таких как вера, религиозный энтузиазм, религиозное иступление.

Второе значение досталось лихнису халцедонскому, носящему показательные синонимические имена иерусалимского и мальтийского креста ввиду крестообразной формы алых цветков в крупном соцветии. Во французских списках этот вид лихниса был эмблемой мореплавания.

Эмблемой религиозного иступления у Филипса стал страстоцвет – строение его оригинального белого-голубого цветка давало повод для восходящей еще к XVI в. традиции считать его эмблемой Страстей Христовых: пять чашечек и пять лепестков должны напомнить о преданных учениках Христа (исключая Иуду и Петра), лист символизирует копье, раны – пять тычинок, веревки – усики, терновый венец – цветочная корона, а нимб – чашечка, наконец, белый цвет обозначает чистоту, а синий – небеса. Не менее показатель, что во французской версии

алфавита тот же цветок обозначал любовные страсти-страдания.

В словаре Филиппа много портретирующих растений: есть семейные эмблемы (для матери, отца, дочери и сына), возрастные (ранняя юность и преклонный возраст), не забыто даже рождение ребенка (яседец белый).

Но больше всего цветов досталось незамужним «английским девам». Букеты для них исчерпывающе рисуют все их мыслимые добродетели: робость и скромность, чистоту и свежесть, сдержанность и умеренность, трудолюбие и милосердие, невинность и целомудрие.

Эти качества эмблематизируют модные растения, популярные в викторианском обиходе. Большинство из них – комнатные: азалия, фуксия, герань.

В то же время автор посчитал невозможным включить в свой словарь ряд «смущающих» понятий и характеристик. В их число попала «чувственная любовь». Во французской версии это значение связывалось с очень душистой моховой розой, видом розы столетниковой. Ее похожие на раскрытую книгу цветы так велики, что цветочные головки сгибаются под собственной тяжестью – прекрасная иллюстрация для любовной страсти.

Союз белой и красной роз – зримая метафора «сердечного огня, или пылающего страстями сердца» – также был вычеркнут из цветочного алфавита. Даже предупреждающая о последствиях подобного общения предусмотрительная опунция (из рода кактусов) с пучками острых колючек («Я обжигаю!») не устроила составителя. Филипп решил огрadyть своих читателей и от слишком грубого и прямолинейно названного понятия «плодовитость», приписываемого розовой шток-розе.

Тем более смутил его пион как эмблема стыда и позора – такой откровенности характеристик его цветочная почта решила избежать.

Характерному нравственному переосмыслению Филипп подверг семантику сирени. На Востоке ее дарили на последнем свидании в знак длительной разлуки или разрыва. Это растение традиционно связывалось с драматическим поворотом в судьбе любящих. Английский автор сохранил за сиренью значение разрыва, но изменил обстоятельства. Для Филиппа сирень сохраняет значение разобщенности, но разрыв проецируется не на любовные, а на семейные отношения. Сирень в викторианский век означала тоску по покинутой семье и друзьям и желание или призыв поскорее к ним вернуться.

Объясняя приписанное растению «кобея» значение «сплетни» (тонкие, но длинные – до четырех метров – стебли растения легко перепутываются и цепляются за опору усиками, образуя на концах листьев), автор раздражается пафосным монологом о небезобидности обычной светской болтовни, которая может стать поводом для скандалов.

В комментариях видны политические и религиозные симпатии автора. Так, георгину, или далии

(оба названия, русское и латинское, были даны в честь ученых-ботаников), приписано значение «непочтительно»: когда цветок был завезен во Францию – в первый год революции (1789), о нем забыли, и он погиб, поэтому его пришлось вводить в культуру вторично – в первый год императорства Наполеона.

Нововведения коснулись и сферы значений даже в той части, которая заимствовалась из французских источников без существенных изменений закреплённой за растением традицией и опытом семантики. В этих случаях зачастую вводились почти синонимы, но как они были показательны для морального климата эпохи и ее строгой нравственности!

«Царский венец» (рябчик императорский) в викторианской интерпретации стал не условной эмблемой силы и власти (в первую очередь чувств), но величия и, конечно же, Ее королевского Величества.

Туберозе с ее одурманивающим ароматом французы приписали семантику чувственности и сладострастия, викторианство выносит этим желанием нравственный приговор: англичанам опасный для здоровья запах цветка должен напоминать, что чувственные «удовольствия» сомнительны и опасны. «Узы любви» – эту выразительную и явно поощрительную метафору, связываемую французами с крепко обвивающей опорой жимолостью, – Филипп превращает в образ-укор «оковы любви». Похожая стратегия использовалась и для семантизации виноградной лозы: статус «опьянения» показался викторианцу слишком индифферентным, и он вынес растению нравственный приговор – оно стало эмблемой компрометирующего и всячески порицаемого «пьянства».

Самую неожиданную метаморфозу претерпели папоротник и шалфей. Если у всех французских авторов первый означает искренность, то у Филиппа он становится знаком противоположного и, вне сомнения, поощряемого качества характера викторианца – скрытности. Французская «мать-и-мачеха» ободряла – «вы добьетесь справедливости», английская поменяла милость на гнев и, напротив, угрожает: «правосудие доберется до тебя».

Маргаритка со времен рыцарства была откровенным ответным признанием («я разделяю ваши чувства»), но в английской трактовке она более сдержанна: «я принимаю ваши чувства (но это еще ничего не значит...)». Даже оракулу-одуванчику досталось порицание: его пророчества аттестованы как грубые и деревенские.

Гаремные наложницы в поэме Э. Браунинг «Письмо-цветок» «гадают, чему отдать предпочтение – ароматным цветом или сокрытым в них мыслям». Симпатии викторианцев без сомнения, принадлежали «умным нарциссам и гвоздикам: с их помощью можно написать молчаливое письмо, в котором перо и бумагу заменят бутоны, краски и ароматы» (Т. Гуд).